

**Военные
Приключения**

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

**СВОБОДНАЯ
ОХОТА**

**Москва
«Вече»
2010**

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)
П42

Составитель серии В.И. Пищенко

Поволяев, В.Д.

П42 Свободная охота : повести / Валерий Поволяев. — М.: Вече, 2010. — 304 с. — (Военные приключения).

ISBN 978-5-9533-4513-2

Для каждого военнослужащего рано или поздно наступает своё «время Ч»... По пыльным афганским дорогам движется КамАЗ, везущий топливо. Но мирные, казалось бы, жители, попросившие подвезти их, оказываются душманами. Сумеют ли старший лейтенант Корнев и его друзья избежать плена? У моджахедов появилось новое оружие, от которого не могут уйти наши вертолёты и самолёты. Кто и за что получит высокую награду — Звезду Героя Советского Союза? Новые произведения известного мастера отечественной остросюжетной литературы.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-9533-4513-2

© Поволяев В.Д., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

**ЖИВИ, ПОКА
ЖИВЕТСЯ**

Над дорогой поднимались красные фонтанчики пыли — их взбивал приносившийся со стороны гор ветер, ветер исчезал, а фонтанчики ещё долго висели над землей, рождая ощущение какой-то странной неприкаянности, тревоги, окаянности, что ли — как у Бунина, — и тоски.

Тоски по прошлому, по тому, что сверстники в это время ходят на танцы с юными барышнями на земле, где нет войны, едят мороженое и из хрустальных фужеров пьют шампанское, посещают кино и институт, спорят, ссорятся, ухлёстывают за нашими девочками и наши девочки поддаются им — ведь мало кто из них предан нам, мало кто верит, что, когда мы вернёмся из Афганистана, жизнь будет именно такой, какой мы её видим. Это рождает в каждом из нас острое чувство зависти, рождает бессилие и ненависть — за что же всё-таки мы ломаемся здесь, за что убивают наших ребят и чем убитые хуже тех, кто остался дома, катается там, как сыр в масле, кто сыт и обут, ухожен и обласкан, и потихоньку ругает нас за то, что мы проливаем чужую кровь?

Но это только сейчас ругают потихоньку, а придет время — и молодые люди, оставшиеся дома, заговорят в полный голос, обвинят нас в афганской войне, предадут анафеме — старший лейтенант Коренев

всем своим естеством, мышцами, кровью, мозгом, худыми, острыми рыбьими плавниками-лопатками, стремящимися прорвать истончившуюся ткань дешевой куртки, чувствовал, что так оно и будет.

Хотелось воспротивиться всему этому, очутиться на Большой земле, дома, встретить какого-нибудь папиного сына, ухоженного и счастливого, и набить ему морду. Просто так, ни за что, ради любопытства, чтобы узнать, какая кровь потечёт из его расплющенного носа, красная или голубая, как выглядят глаза иного ходока за девчонками, когда они, испуганные, вылезают из орбит, таращатся...

В общем, очень хотелось минут на десять-пятнадцать очутиться дома,дохнуть свежего воздуха, посмотреть, что там происходит, поцеловать мать и отца, обнять братишку, у которого уже подходит призывной возраст, и он, наверное, тоже загремит в Афганистан, поплакать чуть, облегчить душу — и тогда можно назад, сюда, под этот чёртов Баграм, про который даже песни толковой, и то не сложено.

Усталые от долгого сидения ноги свело, хребет прогнулся кривой дугой, крестец скоро вдавится в грудную клетку; Корнев вздохнул, покосился на водителя Соломина, у которого ладони от баранки КамАЗа стали деревянными — после каждого рейса он ножом срезает с них мозоли, отщёлкивает, словно пуговицы от пальто. Руки Соломина тяжело лежали на круге руля.

— Устал, Игорь? — спросил Корнев.

— Есть малость!

— Поговорить с тобой не надо? Не заснешь?

— Пока нет, — сказал Соломин.

— Осталось немного... О чём думаешь?

— Да о том же, что и вы, товарищ старший лейтенант, — Соломин устало улыбнулся.

Удивился Коренев: как так, неужели рядовой Соломин способен читать чужие мысли, словно джинн-провидец, вымахнувший из бутылки с одним желанием делать что-нибудь хорошее: учить детишек английскому языку, пасти овец, ремонтировать автомобили, играть в догонялки, переводить через улицу старушек — что прикажут, то и будет делать.

— О чём же таком я думал, Игорь?

— О том, почему одни попадают в Афган, а другие нет — отчего такой расклад складывается?

— Верно, — немного помедлив — интересно было, как всё-таки Соломин угадал, — Коренев наклонил голову. — Формула, старик, простая. Я как-то разговорился с одним новобранцем, только что прибывшим с родины, спросил у него, почему он угодил в Афганистан? Знаешь, что он мне ответил? Денег, сказал, не хватило. У отца не хватило денег, чтобы откупиться. Было бы побольше тугриков — служил бы где-нибудь в Дарнице либо в прохладных лесах Подмосковья, — а не хватило мани-мани — и загудел к нам.

— И неведомо никому, будет ли жив? — сказал водитель.

— Все мы ходим под Богом, — Коренев убрал из-под ног автомат, пошевелил затекшими в ботинках пальцами, посмотрел назад, за спинку сидения, где, вытянувшись во весь рост на мягком длинном ложе, спал Соломинский сменщик Дроздов. «Сурок! Спит, как сурок», — отметил старший лейтенант.

— Дорога укачивает, сны смотреть хорошо, — сказал Соломин. — А мне знаете кого жалко? Наших девчонок. — Нас поубивает — нам не страшно, нас уже не будет, — Соломин говорил правду, он едва шевелил ртом от усталости, щурил красные глаза, крутил гудящими руками руль, — а баранка КамАЗа — это не «жигулёвский» штурвальчик,

который можно вращать одним пальцем, это труд, это пот на спине, это стиснутая напряжением грудь и немеющие ноги. — А девчонки будут ждать. Девчонки всегда долго ждут. Их лапают, мнут нечистыми руками разные... — Соломин недоговорил, кого он имел в виду под словом «разные», но и без этого было понятно, — а они ждут...

Впереди показался крутой поворот с огромным могильным камнем, на котором неизвестный мастер выбил зубилом торжественные горькие слова, за поворотом, метрах в ста от камня стояли два сорбоза — афганских солдата. Оба с автоматами Калашникова — как на посту.

Резко сбавив ход, чтобы не вылететь на запыленную, с мятой охристой травой обочину, Соломин переключил скорость, услышал, как Дроздов громко стукнулся головой о железную стенку кабины, но не проснулся. Соломин поморщился — словно бы сам врезался котелком в железо, потёр ушибленный затылок — показалось, что он ушиб именно затылок, спросил:

— Чего надо зелёным?

— Да подвезти! — сказал Коренев, думая о чём-то своём. На душе было беспокойно, очень хотелось домой — хотя бы на денёк, хотя бы на час, хотя бы на десять минут, — чернявое, с выгоревшими бровями и почти бесцветными усами лицо его обвяло, сделалось унылым, далёким, глаза потухли, на длинном, словно бы расщепленном ложбинкой, носу застыл пот. — Подвезти, больше ничего они не хотят.

Игорь Соломин со второй скорости перешёл на третью.

Они везли солярку в свой батальон — отдельный, танковый, краснознамённый и прочая, прочая, прочая, что составляет военную тайну и о чём нельзя

говорить, а если скажешь — всё равно не пропустит военная цензура. Вначале шли большой колонной по трассе через Саланг, потом малой колонной откололись и ушли на Баграм, здесь, в Баграме разъехались по своим углам, кто куда — большая часть наливников пошла на аэродром, к авиаторам, две машины — в медсанбат, здешнему госпиталю тоже нужно было горючее, одна машина ушла к связистам, одна в «спецназ», одна, где находились Корнев, Соломин и Дроздов — к танкистам.

Через десять минут, когда они въедут на свою территорию, обнесённую колючей проволокой, можно будет свободно вздохнуть. А пока под колёса с тихим хрустом уходила дорога — здешняя пыль хрустит, как крахмал — музыкальная, скрипучая.

— Вы знаете, товарищ старший лейтенант, я иногда провожу параллель между нами и теми, кто воевал в прошлую... в Великую Отечественную...

— И что же?

— Им было легче, чем нам — страна была в опасности, так, кажется, писали газеты... Страну надо было защищать, на это дело поднялись все.

— Молодец, Игорь, как по учебнику истории шпаришь!

— И всё делили поровну — и грехи, и боль, и смерть, и жизнь — одинаково доставалось всем. А здесь? Находимся на чужой территории, что делается дома — не знаем, воюем неизвестно за что — здесь всё, товарищ лейтенант, чужое, — Соломин по-мальчишески жалобно вздохнул, он был совсем ещё мальчишкой, как и многие наши ребята в Афганистане, — незрелым, пунцовощёким, пахнущим домашним теплом и молоком, и в ту же пору — много старше своих ровесников — по сравнению с ними он уже был стариком, девятнадцатилетний Со-

ломин, — угловатый, не утративший парнишеской неуклюжести движений — таким бывает воронёнок, когда учится летать; собственно, Коренев тоже недалеко ушел от Соломина, он был ненамного старше, двадцать три года, этот жизненный срок — не самый крайний, но старший лейтенант ощущал себя уже настоящим стариком, глубоким. — Всё здесь чужое, — пожаловался водитель, — всё!

— Наши люди — тоже чужие. Взять, к примеру, посольских, или разных советников — дай бог, чтобы один из десяти был близок к нам, — подтвердил Коренев.

— Как вы думаете, те солдаты, старые, что с Оте-
чественной, нас примут?

— Не знаю!

— А я, товарищ старший лейтенант, думаю, что не примут — мы для них чужие. Мы для всех будем чужие, помяните моё слово. Давайте встретимся лет через пять и проверим — чужие будем или нет? Всего через пять лет!

— Если будем живы! Плюнь через левое плечо! — Коренев суеверно поплевал через плечо, то же самое сделал и водитель.

— Ну в общем, если будем живы и встретимся, товарищ старший лейтенант, с вас шампанское. К той поре вы уже будете майором.

— А может, с тебя шампанское, Игорь. Никто не знает, кто из нас будет прав. Столкновение со стариками возможно лишь, когда нас наделят одним и тем же — их и нас. Нам ведь тоже стали выдавать удостоверения участников войны — значит, нас уравниют. А это — вилка!

— Вилка в бок! Ну что, подвезём зелёных, товарищ старший лейтенант? Уж больно вид у них сиротский! Квелье ребята.

— Ладно, чёрт с ними! Давай!

— А ведь не положено, товарищ старший лейтенант!

— Мало ли что в нашей жизни не положено!

Сорбозы дружно подняли руки — оба! И оба радостно засияли чистыми крупными зубами.

— Улыбки сорок на пятьдесят, размер в метрах, — сказал Соломин и притормозил. КамАЗ накрыло плотной пылью — ничего не стало видно. Как в тумане. — Ох, сорбозы, — закашлялся водитель, — нет бы попроситься в машину на асфальте!

Старший лейтенант потеснился, освобождая место в широкой кабине, сорбозы дружно придвинулись к нему и, готовно улыбаясь, покивали:

— Ташакор, ташакор! — Спасибо, значит. Два раза спасибо. Лица у сорбозов были ясные, лучащиеся, как будто идеи Саурской революции окончательно победили не только в Афганистане, но и в Пакистане, в Индии и в Иране с Ираком.

Коренев сказал им на дари — чистом, без единой фальшивой нотки, очень чётком языке, самом распространенном в Афганистане, чтобы сорбозы располагались повольнее, чувствовали себя, как дома.

Те снова дружно поблагодарили, прижав руки к сердцам и вытянулись в ожидании, будто статуи. Соломин разгрёб перед собою воздух рукою, разгоняя пыль.

— Пф-ф-ф-ф!

Сорбозы заговорили, будто по команде, в один голос, зажестикували руками, пальцами, словно музыканты — казалось, что они пробуют воздух на ощупь, мнут его, потом так же разом смолкли.

— Чего это они, товарищ старший лейтенант?